

Юлия Миланес

От шени до курливой

СТАРУХИ

18+

Курение вредит вашему здоровью

Юлия Миланес

От имени докучливой старухи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56227565

SelfPub; 2022

Аннотация

В книге описываются события жизни одинокой, престарелой Изольды Матвеевны, живущей в большом городе на пятом этаже многоквартирного дома в наше время. Изольда Матвеевна, по мнению соседей, участкового полицейского и бабушки, «немного того» – совершает нелепые и откровенно хулиганские поступки, разводит в квартире кошек, вредничает и капризничает. Но внезапно читателю открывается, что сердце у нее розовое, как у рисованных котят на дурацких детских открытках. Нет, не красное – розовое. Она подружилась с пятилетним мальчиком, у которого умерла мать. Но отец ребенка против дружбы сына с «сумасшедшей» старухой...

Содержание

Эпизод первый	4
Эпизод второй	13
Эпизод третий	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юлия Миланес

От имени докучливой старухи

Эпизод первый

«Курят на лестнице, законы им не писаны! Фу, занавески провоняли – от лестницы всё. На последнем этаже дышать нечем: дым теплый, поднимается с дыханием вверх... А курят на втором, сами-то свежим воздухом дышат. Искурили мой воздух, а у меня легкие больные... И диван провонял куревом, и подушка! Никуда от них не деться... Жабу грудную я из-за них получила! В следующий раз как увижу, что курят, вызову участкового, пусть оштрафует. Малолетки! Думают, своих детей народили – и можно всё! А одна-то – старая дура, уже волосы седые, а туда же: к молодым! О душе бы своей подумала: курить – чертям кадить. Вот сейчас я размахайку накину и посмотрю, кто там курит!»

Изольда Матвеевна сунула руки в обширные проёмы жилетки. Потом подошла к двери и посмотрела в глазок: на лестничной площадке никого.

«Окна надо раскрыть нараспашку, а то понаставили на лестнице стеклопакеты... Мертвые это окна, не дышат. А

мне свежего воздуха не хватает».

Изольда Матвеевна вышла на лестничную площадку.

«Ну-ка, что у нас здесь? Три банки окурков. Вонюща-то какая! Сами, небось, не чувствуют. Носы у них, что ли, заложены? Из трех квартир курят на нашем, последнем этаже. Ироды! Задушили уже совершенно! У меня грудная жаба, а им плевать! Жалко, что участковый такой ленивый. Сел бы в засаду в моей квартире и нюхал, когда курить выйдут. Курят в трех квартирах – три тысячи штрафа в карман. И со мной бы поделился. Я ему предлагала, а он не хочет. Три тысячи за день, шутка ли? Люди у станка стоят или лопатой в снегопад машут за сто рублей в час. А я бы его чаем угостила. День бы посидел, два посидел – и сделали бы мы план целому милицейскому отделению».

Изольда Матвеевна взяла одну банку с окурками и принюхалась.

«Это от семьдесят девятой квартиры окурки – водой зали-ты. Вот привычка: свой гадюшник водой заливать! Ну, ничего, мы еще посмотрим, кто кого... Где-то у них тут детская колясочка стояла. Мальчик грудной, такой хорошенький! А родители – аспиды. Хоть бы ради младенчика не курили! Вот я их вонючие окурки им в колясочку и вылью, прямо под беле-нькую подушечку. Пусть сами понюхают, а то законы для них не писаны...»

Изольда Матвеевна вылила банку с окурками в детскую коляску, стоящую на лестнице.

«А эта банка от семьдесят шестой квартиры, она и пахнет, как семьдесят шестая квартира – помойкой. Мужик тут ейный курит на старости лет. Лучше бы мылись чаще, а то задохнуться можно от соседушек этих. А у меня жаба грудная... Чей это тут велосипед стоит? Девчонки ихней? Сейчас соображу... В цепь можно запихать. Ладненько так, окурочек к окурочку. Пусть потом выковыривает, когда девчонка евоная покататься захочет. Небось, задумается о здоровье малолетних. Я-то видела, что девчонка порченная, как и родители: только соску вынула изо рта, а уже с мальчишками за углом целуется! Так ей и надо. Эх, старость не радость... поработаешь тут внаклонку!»

Удовлетворенная своей работой, Изольда Матвеевна обратила взор на третью банку с окурками.

«А это чья? Из семьдесят четвертой квартиры, небось? Тоже водичкой залита. Вот я водичку-то вонючую им под дверь и вылью, пусть думают, что чья-то собачка метит. На семьдесят шестую подумают, у них собачка. Вот вам озеро под дверь!»

Изольда Матвеевна потерла руки и, тяжело ступая, стала спускаться этажом ниже, по пути открыв нараспашку лестничное окно между этажами.

На четвертом этаже оказалась всего одна банка с окурками.

«Это ж они ко мне на пятый этаж ходят курить, ироды! Дома им не курится! Специально, чтобы мне досадить!»

Сколько раз я им говорила, что мне нельзя, что у меня грудная жаба – им все равно. Ничего-о-о! Сколько здесь окурков в банке? Шестнадцать, два с помадой. Губы они красят! Я в их возрасте не красила губы и не курила. Ничего лишнего себе не позволяла. Война была. Ничего, я им устрою войну! Великую отечественную! Я им их вонючие окурки в замочные скважины запихаю! По четыре окурка на одну скважину. Пусть-ка теперь попробуют ключом дверь закрыть!»

Изольда Матвеевна оглядела свой труд: из всех замочных скважин на лестничной площадке четвертого этажа выглядывали окурки.

«Все руки провоняли от этой гадости! Фу-у-у, вонища! Да чтоб я еще хоть одну гадость в руку взяла! Но надо. Я научу вас законы уважать! Я вам покажу, как над старыми людьми издеваться!»

Изольда Матвеевна спустилась еще ниже, попутно открыв окно. На третьем этаже проклятых банок не было, но на полу лестничной площадки лежало три окурка, тоже отмеченных губной помадой.

«Три – не десять. Фитюльки какие-то курили. Заезжие, наверное: в гости к кому-нибудь приходили. Так уж и быть, прошу. Но на полу валяться негоже! Вот пусть хозяйева за своими гостями и убирают, раз свиней в гости пригласили!»

Изольда Матвеевна осмотрела четыре двери, выходящие на лестничную площадку. Три были металлические, глухие, без единой щели, и не внушали никакой надежды осуще-

ствить ее замысел. Одна дверь была бедненькой: деревянной, обшитой по краям дерматином, с обширной щелью снизу. Изольда Матвеевна подтолкнула три одиноких окурка ногой к щели, вынула из седых волос невидимку и пропихнула ею окурки внутрь квартиры. После чего, пыхтя и отдуваясь, спустилась на второй этаж, попутно открыв нараспашку третье лестничное окно.

«Ироды, селедку и васаи едят! Целая здоровенная банка окурков и зажигалочка сбоку припасена. Ну-ка, ну-ка, посмотрим, залиты ли окурки водичкой. Зажигалка-то как раз кстати. Нет, нету водички – сухие. Как ее зажигать-то, эту окаянную зажигалку? Газа нет, что ли? А может, кремь испортился? А, тут и спички припасены! Сейчас посмотрим, каким свежим воздухом вы все будете дышать! Бумажку надо... Вот в кармане у меня квитанция за квартиру где-то затесалась... где же она, окаянная? Фу, дым-то какой вонючий! Надо потрясти жестянку, чтобы хорошенько схватилось. Вот сейчас потлеет, а потом разгорится».

Довольная своей проделкой Изольда Матвеевна спустилась наконец на первый этаж, попутно открыв лестничное окно между первым и вторым этажом. Внизу было всего две квартиры, почтовые ящики и электрический щиток. А еще на полу стояла жестяная банка из-под зеленого горошка, доверху наполненная окурками.

«Вот я вам покурю! По всем почтовым ящикам сейчас ваши окурки рассую, чтобы все знали, кто нас травит своими

папиросами!.. Ой, зачем я себе-то насыпала? Ну, и хорошо, для конспирации: всего два окурка попало. Пусть вызывают участкового. Мне воздуха не хватает, а им все равно. Власть, называется! Помню, у нас в молодости был участковый – настоящий человек, он бы их прижал. А этот, молодой – пипка, ничего из себя не представляет».

Изольда Матвеевна с трудом поднялась обратно на пятый этаж и, усталая, но довольная, легла спать.

Разбудил ее звонок в дверь. Она накинула жилетку прямо поверх ночной рубашки и заглянула в глазок: перед дверью стоял молодой участковый. На улице и на лестнице слышался неясный гул. Временами оттуда доносилось:

– Да сдать в дурдом эту сумасшедшую старуху!

Изольда Матвеевна довольно ухмыльнулась и прокричала:

– Чего надо? Сплю я, сплю!

– Переговорить надо, Изольда Матвеевна. Открывайте.

Хозяйка перекрестилась и повернула ключ в двери. Вид у нее был очень довольный.

– Свидетелей ищем, Изольда Матвеевна. Не слышали ли вы что-нибудь подозрительное сегодня ночью? – участковый топтался в дверях.

– Слышала, как соседи выходили курить на всех этажах. Всю ночь курили. А дым-то ко мне идет, наверх, с теплым

воздухом. Что-то случилось?

– Пожарных вызывали, смотрите, машина стоит во дворе. Жилконтору вызывали: ночью был мороз, и лестничные батареи лопнули от перепада температур. Хулиганил кто-то всю ночь на лестнице. А вы ничего не слышали?

– Вот те крест, не слышала. Сплю как младенец. А отчего пожар? Напились, небось, и дебоширили?

– Кто-то поджег пепельницу на лестнице. Кстати, вот и ваша обгоревшая квитанция оттуда.

– Мало ли, – оцетинилась Изольда Матвеевна, – воруют всё, вот и вытащили из почтового ящика...

– Изольда Матвеевна, вынужден предупредить, что соседи написали на вас заявления. Особенно те, которым вы испортили детскую коляску... Я даже не знаю, как не дать делу ход. Весь подъезд на вас ополчился.

– Я спала всю ночь как младенец, – твёрдо сказала хозяйка, сурово глядя на участкового поверх очков. – И хулигану этому я очень благодарна. Надеюсь, он отстоит моё право на свежий воздух, записанное в Конституции.

Изольда Матвеевна, встав на табуреточку, вытащила с полки советскую Конституцию и, держа книжицу перед собой, стала наступать на участкового:

– Подите вон из моей частной собственности! Я вас к ответу призову за нарушение моих законных границ!

– По какой конституции здесь ваши законные границы?

– По американской!

– Значит, признательные показания давать не намерены?

– Диверсант какой-то ночью ходил по лестнице, а не я!

И металлическая дверь захлопнулась перед носом участкового.

«Доведут до греха! Всем миром на меня ополчились... Эта фифетка – тоже мне, колясочку ей, видите ли, испортили! А ты пойдти постирай ее, душенька! Любишь кататься, люби и саночки возить – любишь курить, люби и колясочку стирать!.. Доведут до греха, свят-свят-свят! Где у меня папиросочка? Пять лет назад, когда бросала, спрятала я пачку «Примы»... вот только где? Запомнятовала! Неужто за комодом?»

Изольда Матвеевна поднатужилась и отодвинула комод от стенки.

«Нет, за комодом ничего. А! Вспомнила! Я ее в целлофановый пакетик запаяла горячими ножницами и в унитазный бачок кинула – чтоб доставать было противно. Интересно, сохранились ли мои папиросочки?»

Изольда Матвеевна приподняла крышку бачка и пошарила внутри.

«Вот они, родимые, целехонькие! Нынче, говорят, такую «Приму» уже не выпускают... Сейчас я соседей через вентиляцию дымом задушу и душу отведу. Одна папироска осталась. Одна! Думала, что перед смертью ее выкурю».

Изольда Матвеевна неловко прикурила папиросу и выпустила облако вонючего дыма в вентиляционное отверстие.
«Нагрешила, нагрешила-а-а!» – эхом отдалось в голове.

Эпизод второй

«Покровительница моя Богородица, вся Руси защитница, спаси, помоги и помилуй! – Изольда Матвеевна стояла у раскрытого окна на кухне, одетая в просторную хлопчатобумажную ночную рубашку, поверх которой на груди покоился простой латунный крестик на веревочке. – Как мне отблагодарить тебя за прошедший день? Прочитаю-ка я акафист тебе, родимая, помолюсь от души радостной песней. Аллилуйя, моя прекрасная!»

Изольда Матвеевна, кряхтя и отдуваясь, переместилась из кухни в комнату, взяла молитвослов и приступила вслух:

– Взбранне Воеводе победительная...

«Как она меня лучше услышит? Может, покричать? Окна нужно открыть, а то вдруг не дойдет мой акафист: мало ли кто сейчас тоже читает? Может, грешники какие. У меня-то голосок тихий, а стены каменные. Ей-то на Небеси и не слышно. Надо, чтобы моя благодарность дошла до Богородицы».

Изольда Матвеевна открыла окно в комнате, высунулась на половину могучего корпуса и заорала басом:

– Взбранне Воеводе победительная!

У одной из машин во дворе сработала сигнализация, у соседей справа залаяла собака, у соседей слева заплакал младенец. Снизу принялись стучать по батареям, на лестничной

площадке хлопнула дверь, и кто-то крикнул:

– В дурдом сумасшедшую старуху! Час ночи уже!

«Нет, надо молиться душой! – Изольда Матвеевна прикрыла раму. – Батюшка давеча говорил, что самая громкая молитва – крик души».

Она встала у иконы Казанской Божьей Матери, снова раскрыла молитвослов и принялась «кричать душой». Прокричала первую страницу акафиста, вторую, и поняла, что в голове у нее не отложилось ни единого слова.

«Может, у меня душа кричать не умеет? Что еще там батюшка давеча говорил? Огонь души должен быть. Может, у меня душа уже потухла? Потухла, наверное. Может, почитать, как нас в школе учили, по буквам, чтобы до Богородицы наверняка дошло? А что? Это я еще могу».

И Изольда Матвеевна, перекрестившись, принялась читать шепотом, тщательно выговаривая каждое слово:

– Взбранне Воеводе победительная...

«Какая же она Воеводе? Чем Богородица побеждает? Какое ее оружие?» – внезапно пришло ей в голову. – «Смирением, говорят. Как же она побеждает смирением? Вон, Георгий-то с копьем нарисован!»

Она с любовью посмотрела на лик Божьей матери и спросила вслух:

– Может, тебе тоже там какое-нибудь копьё дали? Совсем маленькое. Игрушечное.

Ей показалось, что лик слегка улыбнулся.

И тут у Изольды Матвеевны нестерпимо зачесалось пониже спины. Она было протянула руку, чтобы почесаться, но тут ее пронзила мысль:

«Негоже задницу-то чесать во время молитвы. Непочтительно это! Помнится, батюшка говорил, что во время молитвы бесы всегда мешают. Им мой акафист – вилы в бок, они и будут меня мучить, чтобы молитву испохабить!»

Чесалось все сильнее. У Изольды Матвеевны даже непроизвольно задергались пальцы правой руки. Она набрала полные легкие воздуха, задержала дыхание и закрыла глаза.

«Смирением надо их побеждать, как Богородица. Сейчас перетерплю во славу Божию, бесы и разбегутся восвояси!»

Тут пониже спины стало чесаться так сильно, что даже закололо. Изольда Матвеевна не выдержала да и хлопнула себя кулаком по мягкому месту. Все сразу прекратилось. Правда, на заднице начал расплзаться синяк.

«Ну, вот, придется начинать молитву сначала. А всё бесы поганые!»

– Взбранне Воеводе победительная, – начала Изольда Матвеевна и вдруг громко икнула: видимо, что-то произошло, пока она задерживала воздух в легких.

– Вот бесы проклятые! – Она не выдержала и выругалась. Внезапно ей представилось, что кто-то смеется в ее квартире.

«Надо остановиться и попить водички».

Старуха отложила молитвослов, вышла на кухню, поста-

вила чайник и достала сухарики.

«Вот говорят, смирение – самое главное оружие, а бесы только смеются», – размышляла она. – «Может, моя молитва не угодна Богородице? Зачем она бесам попускает издеваться?»

Чайник вскипел. Изольда Матвеевна с причмокиванием попила чайку из блюдечка, похрустела сухариками – и икота прошла. Потом она направилась к телефонному аппарату и решительно сняла трубку. Было два часа тридцать минут ночи. На том конце провода долго слышались длинные гудки. Пришлось положить трубку.

«Богу Божие, а человеку – человеческое, – рассудила Изольда Матвеевна. – Это у святых тела нетленные, а у нас – слабые, греху подверженные. Вот и зачесаться может и икота начнется. Хорошо, наверное, быть бестелесным ангелом на Небеси. А мы – рабы плоти. Все такие. Вечно на Литургии стоишь, и кто-нибудь чихнет или раскашляется. А ведь может же еще хуже случиться. Теперь понятно, почему причащают на голодный желудок – всю ночь нельзя есть и пить. Мало ли кто пукнет или писнет? Хуже ничего не может быть».

Она совершенно успокоилась, достала молитвослов и начала снова, даже с каким-то ликованием:

– Взбранне Воеводе победительная!

Дело спорилось, Изольда Матвеевна читала без запинки – до слов «праведный Иосиф смятеса». Тут ее мысли опять

заняла знакомая тема.

«Конечно, смятеся! Каждый смятеся, когда невеста оказывается беременной неизвестно от кого. Господь-то наш, выходит, чуть незаконнорождённым не оказался. Вот если бы Иосиф смятеся и дальше, может, по-другому бы Христос явил себя. Был бы сыном матери-одиночки, а может, его камнями побили бы... Вот я бы Любку из соседнего подъезда камнями побила. Родила неизвестно от кого, а стыд глаза не колет. Гулящая – точно не от Святого Духа. И кто Святого Духа надоумил деве во чрево влезть? Интересно, при родах Марии подтвердилось, что она дева? Хотя как это подтвердить? Раньше же гинекологов не было. Были, наверное, какие-нибудь бабки-повитухи. Нет-нет, Богородица в овине рожала, там только ягнята были».

Изольда Матвеевна снова отложила молитвослов и направилась к телефону. На этот раз трубку сняли.

– Доброе утро, батюшка! – смиренно произнесла она. – Срочно надо проконсультироваться, почему Святой Дух влез во чрево девы? Что значит «чудо явил»? А если бы ее камнями побили? Да не помню я, что вы говорили на проповеди!

На том конце повесили трубку. Изольда Матвеевна неловко потопталась у телефонной тумбочки и принялась вспоминать, что говорил священник.

«Анна-то в старости Богородицу родила. Все у них в роду странно рожали. Батюшка говорил, что это было главное

чудо перед рождением Господа. Сверху дали знать, что если старуха могла родить, то и дева может. Интересно, а как Анна узнала, что беременна? Женского-то у нее уже не было. Наверное, и не знала, пока не родила. Вот Господь пошутит, и я рожу на старости лет. Не надо мне такого чуда!»

Изольда Матвеевна с любовью погладила лик Казанской Божьей Матери.

«Неудачная ты моя! Я тебя все равно люблю, хоть ты и странненькая».

Старуха взяла молитвослов и начала заново:

– Взбранне Воеводе победительная...

Изольда Матвеевна вдруг почувствовала, что молится душой. Она без запинки дочитала акафист до конца, а потом уютно устроилась в постели. Было четыре часа утра, но ей не спалось.

«Надо же, всю ночь молилась – от души. Праведница я, наверное. Мало кто может так чисто и искренне прочесть акафист, а молитва эта – не короткая. Правильно батюшка говорит: молиться надо душой, а я-то, дура, в окно кричала. Теперь Богородица точно мою молитву услышит. Господь меня за такое почтение к его матери вознаградит. Здоровье, может, даст или пожить подольше».

Тут Изольде Матвеевне опять показалось, что в квартире кто-то хихикнул.

Внезапно схватило живот – так, легонько, но ошутимо, словно небольшой пузырек воздуха принялся перемещаться

по внутренностям.

«Словно ребеночек ножкой шевелит, – внезапно пришло в голову Изольде Матвеевне, и она в страхе вскочила с кровати. – Вот Господь и пошутил надо мной! Буду как праведная Анна... Нет, не надо мне этой праведности! Как определить, беременна я или нет? К гинекологу идти? Так меня же засмеют. Не дай Бог при родах все выяснится!»

Она в панике кинулась к телефону и снова набрала номер священника:

– Батюшка, горе у меня! Мне кажется, я беременна на старости лет, как праведная Анна! Что значит «срочно на исповедь и причастие»? Я три дня не постилась и каноны не читала! Все равно идти? У меня и грехов-то никаких нет. Все равно идти? Срочно? Бегу! Бегу!

Эпизод третий

«Что за шум? Кто там на лестничной площадке? Сейчас посмотрю в глазок... Ах ты, нелегкая! Соседские дети глазок жевательной резинкой замазали. Может, участковый пришел меня повидать? Какой хороший человек! Сейчас, только жилетку поверх ночной рубашки надену и буду встречать... Наверное, согласился караулить курящих. То-то же! Я-то знаю, как лучше – я жизнь прожила».

Изольда Матвеевна накинула жилетку, собрала жидкие седые волосы в пучок на затылке и крикнула в замочную скважину:

– Кто там?

– Здравствуйте, я из социальной службы!

Изольду Матвеевну обожгло:

«В дом престарелых меня соседи сдать хотят. Или в дурдом».

– Я никого не вызывала.

– У нас волонтерская программа к 75-летию Победы. Собес передал нам данные, что вы – одинокий ветеран войны, к тому же после инсульта.

– Другое дело! – Изольда Матвеевна открыла дверь. – Продуктовые наборы раздаете?

На пороге стояла женщина лет сорока пяти со шваброй и ведром:

– Мы участвуем в социальной программе «Окна Победы». Ожидается, что в город приедут высокие гости, поэтому принято решение помыть окна одиноким пожилым людям на всех этажах выше второго. Когда вы в последний раз мыли окна самостоятельно?

– Да в прошлом году, – не моргнув глазом, соврала Изольда Матвеевна. – Я еще ого-го! Взяла тряпку, и – раз-раз!

«Ишь ты, гости к ним высокие приедут! Показуха одна! Стесняются они ветеранов, немощи нашей стесняются... Им лишь бы в орденах на парадах ихних расхаживать. Федор из соседнего подъезда пошел в прошлом году на парад, да ноги и отказали – завалился на бок. Вот позорище-то было! А эта так глазами и шныряет, видно, украсть чего хочет».

– Квартирка-то у вас хорошая, обстоятельная, жаль, что последний этаж.

– Я вот сейчас нашему участковому позвоню на мобильный телефон, узнаю, откуда вы пришли, – пригрозила Изольда Матвеевна. – А вы пока окна-то мойте. Нечего стоять.

«Ишь, хвост поджала. А что? Небось, не разговоры пришла разговаривать, а дело делать. Нерусская, наверное. Сейчас в собесе только такие и служат: зарплаты маленькие, а эти иностранцы так и стремятся на теплое место. Соседка говорит, что они живут по восемь человек в одной комнате, спят на полу вповалку. Надо следить, чтобы ничего не украла. Ишь, как грязь на окнах тряпкой размазывает... Я-то давно не мыла – лет пять. Мне после инсульта не то что на

окно, в ванну-то не залезть: как ногу задеру, в глазах темнеет. Пойду чаю с молоком себе пока налью».

Угрожающе хмыкнув в сторону волонтера, Изольда Матвеевна потопала на кухню. Между тем, женщина споро мыла окна и уже три раза меняла воду.

«Где тут у меня молоко? На второй полке лежало... Точно помню, что там на одну чашку, грамм тридцать оставалось. На дверце холодильника нет, в морозилке нет... Пустила гадину в квартиру, а она мое молоко выпила! И когда успела?! Я глаз с нее не сводила!»

Изольда Матвеевна на крейсерской скорости кинулась к входной двери и закрыла ее на два оборота ключа.

«Все! Попалась, воровка!»

Затем она набрала участкового:

– Здрасти... Желаю вызвать... Обокрали меня! Молоко выпили в холодильнике... Грамм тридцать.

На том конце раздались гудки.

«Фу ты ну ты! Так и сдохнешь, никто не поможет! Может, она голодная была? Знаем мы этих иностранцев: сухой лаваш целый день жуют».

Тут Изольда Матвеевна почувствовала, что у нее от волнения сердце в груди колотится, как колокол. Она пошатнулась и присела на край кресла.

Женщина вытерла последнее, пятое окно и, повернувшись к Изольде Матвеевне, почуяла неладное: лицо у старухи было красным, как кирпич. Создавалось впечатление, что

у нее гипертонический криз.

– Сейчас я «скорую» вызову, ложитесь на кровать! – командовала волонтер. – Только осторожно!

«Молоко мое выпила и теперь командует! Окна помыла – жить в моей квартире собирается... после того, как меня отправит в дом престарелых», – тоскливо думала Изольда Матвеевна, укладываясь на кровать.

– Зачем ты молоко мое выпила? – сурово спросила она волонтера. – Голодная, небось? Голод – это я понимаю, в войну все голодали.

– Да вот же ваше молоко, стоит здесь, в комнате, на обеденном столике! – нашлась женщина.

Изольда Матвеевна потрясла бутылкой, убедилась, что все тридцать граммов целы, и ей настолько полегчало, что она подобрела и лицо у нее приняло здоровый оттенок.

Окна сияли чистотой.

– Давайте пить чай с молоком! – предложила Изольда Матвеевна.

– Нет-нет, спасибо, – ответила волонтер. – Но я все равно дождусь врачей, а пока постираю занавески.

И она принялась складывать пыльные занавески в ванну.

Изольда Матвеевна вскипятила на газу чайник, налила чаю, сверху молока... а оно в чашке свернулось. Все тридцать грамм.

«Глаз у нее нехороший. Только молоко поставила на стол, оно сразу и скисло. Хозяйничают у меня все кому ни попа-

дя... А может, оттого, что окна чистые, проникло солнце и сквасило молоко?»

Старуха с досадой кинула пластиковую бутылку в помойное ведро.

В дверь позвонила «скорая», вошли фельдшер и санитарка. Пока давление мерили (оно оказалось повышенным), пока укол делали и документы заполняли, волонтер постирала занавески. Наконец все удалились, и Изольда Матвеевна с удовлетворением заперла дверь. И тут ее взгляд упал на вешалку возле входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.